

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration: 10, rue de Plelo, Paris (15°)

№ 8/44

АВГУСТ 1937.

№ 8/44

СОДЕРЖАНИЕ:

*** — За последние недели.

И. Аргейд — Письмо с гор Ирана.

З. Авалишвили — О воспоминаниях
Муса-Паши Кундухова.

Тамбий Елекхоти — Горцы и Терское
Казачье Войско.

Ген. Муса Паша Кундухов — Приложе-
ния к мемуарам.

Тбилисели — Два слова о парижской
выставке.

Обзор Печати.

Хроника.

Библиография. —

26 августа 1937 г.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ

ВАЖНЕЙШИМ событием последних недель является, конечно, тот оборот взаимоотношений, который проявился на Дальнем Востоке между Японией и Китаем. Приходится говорить какими-то сложными иносказательными выражениями, избегая слова "война", потому что формального объявления войны действительно еще не было, да и взаимоотношения двух главных государств желтой расы даже по существу не совпада-

ют с понятием войны, хотя бы таковую и пришлось в ближайшие дни объявить, и это несмотря на общие мобилизации, на массивные передвижения войск, на тысячи убитых и раненых.

Дело в том, что задачи, осуществляемые Японией на азиатском континенте, в значительной мере соответствуют интересам самого китайского населения и, во всяком случае отвечают широко понимаемому расовому национализму двух родственных по культуре и происхождению народов. Не подлежит никакому сомнению, что среди сознательно рассуждающих китайцев есть очень мно-

го совершенно искренних сторонников политического сговора с Японией, даже на условиях ее доминирующей роли в дальнейшем развитии неизбежного в самом близком будущем тесного союза.

Китай раздроблен; Китай во власти враждующих между собою авантюристов, с которыми не в силах справиться даже такой несомненно крупный человек, как маршал Чан-Кай-Шек; Китай широко открыт для иностранной, враждебной самой расе эксплуатации каких угодно государственных влияний; народная масса Китая беззащитна против лживой демагогии, против разрушающей самые основы бытия коммунистической пропаганды.

То полуанархическое состояние, которое никак не может обратиться в государственное, несмотря на все усилия совершенно неавторитетного для всей китайской территории Нанкина, — оно не только отдаст огромную богатейшую по своим ресурсам страну во власть колониальной эксплуатации чуждых Китаю держав, но прежде всего открывает широкий путь проникновения для глетворных влияний и воздействий красного московского империализма, охватывающего безвластную страну щупальцами своего раз'едающего оружия — международного коммунизма, которым Москва обычно prepares почву для намеченного захвата.

Выгнать раз навсегда с берегов Тихого океана этого самовластно туда проникшего, беспокоящего и ненужного соседа — вот главная задача, которая стоит и будет стоять перед Китаем, как первый этап его национального возрождения по примеру других азиатских государств.

Вслед за тем избавиться от излишней часто унижительной опеки держав.

Но способен ли Китай в его нынешнем виде осуществить эти задачи? Даже хотя бы приняться за их осуществление, не вызвав сразу протеста и запрета?

Увы, с Китаем стесняться бы не стали, будь он предоставлен только собственным своим силам.

Вот откуда берет исходные точки опоры то положение, что Япония, даже осуществляя прежде всего свои личные государственные вождедения, является все же для Китая возможной союзницей и покровительницей, с которой может быть придется иной раз и серьезно повздорить, но которая все же только одна, хотя бы и ценою жертв со стороны Китая, в состоянии обеспечить ему будущий прочный мир и относительное благополучие его населения.

Нет поэтому ничего удивительного, что не мало в Китае государственных людей, которые серьезно хотят так или иначе, даже при больших уступках, столкнуться с Японией, и что сам руководитель политики маршал Чан-Кай-Шек, оказывая военное сопротивление, не прекращает одновременно ведущихся переговоров, и даже формальная война, если бы таковая была не сегодня — завтра объявлена, ничем другим кончиться не может, как тесным военным союзом двух родственных народов на подобие того, что в свое время произошло между Германьей и Австрией, когда Бисмарк сумел обратить вчерашнего побежденного врага в деятельного и верного союзника.

Точно и ясно формулировал, совершенно по-бисмарковски, задачи свои в Китае японский премьер князь Конэе в беседе с представителями печати. Он

прежде всего сказал, что Япония желает разрешить возникший конфликт сама и ни в коем случае не допустит никакого вмешательства держав. Далее он подтвердил, что сотрудничество между Японией и Нанкинским правительством Чан-Кай-Шека он считает и теперь вполне возможным (несмотря на все последние события, на войну в Шанхае, даже на бомбардировку Нанкина). Сопrotивление Китая лишь отдалает, по его мнению, срок этого неизбежного соглашения. Но самое интересное и знаменательное в словах князя Коноэ следующее: японо-китайское сотрудничество возможно на почве сохранения мира и порядка в Северном Китае, где должны быть ликвидированы все анти-японские, анти-германские и коммунистические элементы, — участие Японии в управлении Сев. Китаем необходимо.

Тут, в этих последних строках, уже даны точные условия возможного в настоящее время соглашения.

—О—

Коммунистические элементы — это другими словами вся агентура Москвы. Вот тот главный враг желтой расы на дальнем Востоке, которого надо в первую очередь устранить, и не доверяя в этом отношении силам Китая, ни материальным, ни моральным, Япония берет все дело в свои руки — в результате вольного или невольного соглашения с Китаем. Разумеется, это опека, и опека не безкорыстная, но внутреннее положение Китая сейчас таково, что все равно ему без опекунов не обойтись.

Существенно и чрезвычайно знаменательно в словах японского премьера сопоставление анти-японских элементов

с элементами анти-германскими, которые упоминаются рядом, как одинаково, значит, враждебные интересам Японии. Если вспомнить одновременно только что произнесенную в Палермо после сицилийских маневров замечательную речь Муссолини, где он в самых настойчивых выражениях подтвердил неизбежность существующей оси Берлин-Рим, то слова японского премьера приобретают значение фактора по истине мирового по своему охвату. Муссолини сказал с исчерпывающей ясностью, что нельзя говорить с Римом, игнорируя Берлин, и нельзя идти против одного из них, не затрагивая другого. Эта речь в Палермо прозвучала одновременным эхом в устах токийского премьера, что создает таким образом тройственную солидарность уже мирового размаха.

Вот чем продиктована такая осторожность и Англии, и Америки в китайских событиях, такое разительное нежелание сложить обстановку каким либо жестом, могущим быть истолкованным, как акт вмешательства. Последствия были бы слишком серьезны и нежелательны как раз в то время, когда все усилия направлены на создание совершенно другой атмосферы. Острота испанского вопроса уже заметно притупилась: руководимая Невилем Чемберленом английская политика не хочет повторять абиссинских ошибок, она примирилась с возможной и даже вероятной победой ген. Франко, она ищет путей соглашения — в Средиземном море с Италией, на севере, на западе и в центре Европы с Германией, на Дальнем Востоке — с Японией. А так как отношения с Францией не оставляют желать лучшего и солидарность все крепнет, то Англия дорожит

этим возможным на ближайшее время для себя затишьем, которое отвечает как подлинным чувствам страны, так и ее государственным интересам. Англия после войны несомненно принадлежит к странам сытым, удовлетворенным, она не хочет новых потрясений, не ищет риска. Для этой возможности "пожинать плоды" и была в свое время создана Лига Наций, которую хотели сделать в этом отношении надежной оградой. Лига Наций надежд не оправдала, и первое же серьезное испытание нанесло ей непоправимый удар, — теперь Англия на пути отдельных соглашений, надеясь ими обезопасить себе относительный покой и упрочить существующее положение. Активно сейчас впутываться в конфликты Англию нисколько не устраивает, а там, где Япония — Германия — Италия представляют или могут представить серьезную опасность, надо с ними так или иначе договориться.

—О—

Но есть страна, которую вся эта руководящая английская психология, вся эта охлаждающая атмосферу политика нисколько не устраивает. И если в испанском конфликте советская Москва была заинтересована лишь косвенно, как в известном возможном поводе перессорить других, то японское продвижение на севере Китая и вообще все это осуществление японских планов на Дальнем Востоке — затрагивают непосредственно и прямо такие кровные, основные имперские интересы России или Советского Союза — в данном случае это одно и то же, — что не заявить решительного протеста, не сказать категорически: — "нон поссумус" — "этого мы не допу-

стим", не объявить попросту, по былым старым традициям, обыкновенной прежней войны — это значит расписаться в полном своем бессилии, выдать себе собственноручно свидетельство о бедности. Если Москва не воспользуется нынешними событиями в Китае, оставаясь покорной свидетельницей происходящего, она окончательно себя похоронит, как военную державу, в глазах всего мира, и никакие полярные экспедиции, никакая реклама арктических полетов уже не подымут окончательно утраченного престижа. Все, конечно, понимают, что водворившись на материке, заняв все нужные стратегические позиции, Япония очень скоро откинет далеко Россию вглубь от берегов Тихого океана, и г.г. Джугашвили, Валлах и друг. руководители национально-государственной политики России понимают положение не хуже других. Быть может эта политика и не так уж близка их сердцу, но российское великодержавие, во всяком случае, ретиво ими поддерживалось хотя бы в расчете мировой социальной революции.

Если они молчат, не двигаются, и не двинутся теперь — значит агония режима и маразм страны действительно несомненны.

—О—

Красная Москва со своей коммунистической пропагандой, проводящей, с одной стороны, элементы разложения и анархии, с другой — великодержавные вождения России (во вред не только всему миру, но и собственному своему населению) все более и более встречает теперь противодействия — уверенного и организованного. В той же палерм-

ской речи диктатор Италии, не бросающий вообще слов на ветер, твердо заявил, что не может потерпеть утверждения большевизма на берегах Средиземного моря. Испанские события резко принимают за последнее время оборот, все более благоприятный для ген. Франко, а с занятием Сантандера — последнего опорного пункта враждебных ему сил на севере — освободившиеся войска будут брошены на Мадрид, и весьма вероятно, что испанская гражданская война скоро закончится полной победой националистов.

Англия это понимает уже все последнее время и, соответственно меняет свою политику. Позиция Португалии — активно сочувственная генералу Франко — общеизвестна. Большевизму, действительно, нет места в Средиземном море, — раньше или позднее придется это признать и всем другим заинтересованным правительствам, соответственно пересмотрев свою прежнюю политику.

Следует отметить, что так называемый коммунизм, поддерживаемый Москвой, преследуется и устраняется из общественной жизни не только в странах государственной диктатуры, но уже и в некоторых демократиях — притом самых подлинных и правозверных. На севере можно назвать Финляндию, в центре Европы — Швейцарию, где федеральный совет только что одобрил законопроект, предусматривающий роспуск всех коммунистических организаций. Довольно тлетворного и пагубного московского воздействия, довольно московского обмана.

—○—

Нельзя обойти молчанием своеобраз-

ного по форме конфликта, происшедшего недавно между Португалией и Чехословакией. Фактически война между этими государствами невозможна, разве только в воздухе, но тем не менее португальский посланник отозван из Праги, и таким образом дипломатические сношения формально прерваны. Дело в том, что Португалия заказала чешской фирме большую партию оружия, которую фирма эта, под влиянием своего правительства, отказалась своевременно сдать. Очевидно причиной было то, что Португалия якобы снабжает оружием ген. Франко. Прошел даже слух о давлении, оказанном в Праге со стороны, конечно, все той же Москвы. Так или иначе — руководитель Португальского правительства Салазар ответил на этот отказ дипломатическим разрывом. Международные отношения создают сейчас новые формы: военные действия без отозвания послов и их отозвание без войны. Это напоминает давнишнюю карикатуру в одном из кавказских юмористических журналов, — стоят двое и беседуют: война будет? Нет. Мир будет? Нет. Что же будет? Телеграммы.

Прав португальский диктатор или неправ — судить трудно, но во всяком случае страны диктатуры имеют всегда преимущество решительных и быстрых действий. За самый короткий срок одаренные руководители авторитарных правительств успевают внести коренные изменения в государственную структуру, в самый быт, провести реформы, подчас необходимые и живительные, без которых их страны совершенно бы захирели. На этом пути позволительно иной раз и ошибиться, но уже темп современ-

ных событий требует теперь скорых решений и скорых свершений.

Примеры Турции, Италии, Германии — у всех перед глазами, общезвестны. Ниже мы печатаем чрезвычайно инте-

ресное письмо нашего корреспондента о том, что удалось Одному Человеку сделать за несколько последних лет в Иране.

**

И. АРГЕИД.

Письмо с гор Ирана

Мне очень хочется сказать несколько слов об Иране самом для того чтобы описать, хотя бы приблизительно то, что сделано здесь за последние 10-15 лет.

Правда, чтобы заняться этим анализом надо быть одновременно хорошим экономистом, коммерсантом, финансистом и досконально знать те мировые политические сплетни, среди которых Ирану приходится работать, но я подойду к вопросу просто, как обыватель, и расскажу, что было и что я видел раньше и что вижу сегодня.

Раньше, в "городах": узкие, грязные или пыльные улицы, клетки, вместо домов, с крошечными отверстиями-окнами, прятавшиеся за полуразвалившимися глинобитными стенами. Бледные, истощенные дети' закутанные в грязные чадры женщины, путающиеся в своих одеждах и неуклюже спотыкающиеся в ухабах улиц, очень далекие от той мистической женщины под чадрой, которую так краснво подносил своим читателям Пьер Лоти; изможденные

непосильным, но мало производительным трудом, мужчины иногда, целыми днями ожидающие какого либо заработка; сонные лавочки, дремлющие перед пустующими лавченками и ларьками.

Вся эта масса, помимо изнуренности от недостатка пищи и воздуха, рисковала хронически сделаться жертвой таких бичей, как тиф и холера, из за питьевой воды, в которой она вместе с тем мылась и стирала не только белье, но и обувь и верхнюю одежду, а также и из за полного отсутствия медицинской помощи.

На улицах столицы даже люди умирали с голода, когда в провинциях гнил излишек хлеба из за отсутствия дорог и скорого транспортного сообщения.

Дети росли и «развивались» без призора и без школ, как бы застывая на известной степенн развития, довольно первобытной. Да и что мог дать ребенку отец, который в бессилии своем, с отчаяния брался за трубку с опиумом, или мать, кругозор которой строго ог-

раничивался глухой стеной и чадрой, и которая не ведала для дыхания другого воздуха, кроме атмосферы грязных, затхлых дворов и собственных своих испарений. Вот краткий обзор недавнего прошлого, если не считать отдельных случаев жизни богатых ханов и купцов, грабивших безнаказанно и без зазрения совести и без того нищее население и тоже гибнувших в конце концов от излишеств и разврата. Теперь, даже в глухих провинциальных городах, вы увидите: широкие, мощные или асфальтированные улицы, подметенные и политые; городские скверы и сады; всюду масса зелени; почти при каждом домике имется садик, если не большой сад, с дивными цветами, к которым иранцы питают особую любовь. Как грибы, растут дома европейского стиля и образца, с ваннами и душами, с электрическим освещением.

Масса школ как начальных, так и средних; всюду площадки для всякого рода спорта, где по пятницам разыгрываются матчи и устраиваются велосипедные гонки и пр. Никого не удивляют проходящие по улицам отряды бой и гейль скоутов.

О чадрах нет и помина; женщины в европейских платьях, походка свободная. На улицах оживленно беседуют мужчины с женщинами, тогда как несколько лет тому назад женщине запрещалось появляться на улицах даже со своими близкими родственниками.

Нет прежних бледных лиц. Дети пышат здоровьем, на щеках появился румянец, глаза оживленно блестят.

Подтянутые и brave юнкера воен-

ных училищ, с гордостью носящие свою красивую форму; сотни молодых людей, из числа обучавшихся за-границей на казенный счет, владеющих несколькими языками. В министерствах, в конторах и в магазинах масса молодых девушек в качестве дактило, чиновниц и продавщиц; на фабриках сотни женщин, работающих на станках, даже в захолустьях организованы вечерние курсы, где обучаются десятки тысяч безграмотных. Нет почти никаких инфекционных болезней; тиф и холера — редкие явления, даже сказал бы, единичные случаи.

Всюду представители полиции, хорошо одетые, следящие за чистотой и порядком и руководящие уличным движением. О голоде не может быть и речи, потому что благодаря густой сети шоссейных дорог хлеб из урожайных провинций быстро может быть доставлен на многочисленных камионах за тысячи километров.

Проселочные дороги, по которым не так давно путешествовали с большими неудобствами и затруднениями по несколько недель, теперь исчезли. Всяду хорошие шоссейные дороги, пересеченные тысячами хороших мостов, больших и малых. Теперь уже не страшны разлития рек в дождливый сезон. На сотни километров вдоль дорог посажены деревья, а склоны **Тегерана можно** встретить даже кусты роз.

Масса госпиталей и больниц, прекрасно обставленных и оборудованных по последнему слову гигиены. Обслуживаются они врачами с высшим европейским образованием.

Что же касается Тегерана, то докторов здесь такая масса, что можно подумать, что находишься на какомнибудь курорте. Масса аптек, хорошо оборудованных, с дипломированными фармацевтами во главе.

На территории, в три раза большей, чем Франция, нет места, куда нельзя было бы поехать в автомобиле по хорошему шоссе или привозить товары на камионах. В окрестностях Тегерана хорошие дачные места (также около Хамадана, Эсфагана и др. крупных центров), расположенные на высоте 1600-1700 м. над уровнем моря, куда, кроме многих живущих там весь сезон, по четвергам и пятницам, много тегеранцев ездят отдыхать и подышать свежим воздухом. Много элегантных туалетов. Туда же переезжают на лето почти все иностранные миссии, которые имеют собственные дачи. Туда ведут две дороги беспрестанно поливаемые. Одна из них проходит недалеко от летних дворцов Императорской фамилии.

К сожалению еще не все старое исжито и перестроено. Так, на одной из этих дорог стоит до сих пор старая тюрьма, своим мрачным видом напоминающая недавнее прошлое Ирана. Но и она, вероятно, скоро исчезнет, ибо не место ей между станцией беспроволочного телеграфа и монетным двором, расположенными на той же дороге.

Около начала другой из этих дорог строится университет, целый городок, рассчитанный на несколько тысяч студентов. Кругом города построены прекрасные казармы для частей Тегеранского гарнизона, что можно также на-

блюдать около всех значительных городов провинции.

На противоположном от Университета конце города высится великолепное здание вокзала железной дороги, гордость Тегерана, которому может позавидовать любая европейская столица.

В каждом провинциальном городке уже имеются электрические станции, а Тегеранский муниципалитет поручил сооружение новой мощной станции одной европейской фирме с мировым именем и постройка почти закончена. Здесь же недалеко находится прекрасно оборудованный цементный завод.

Заканчиваются сооружением огромный театр и грандиозные здания табачной монополии.

Недавно приступлено к убранству и приведению в порядок национального исторического музея, который помещается в стильном новом здании, специально построенном. Несколько иностранных археологических комиссий, по приглашению правительства, работают на раскопках древних городов, **деля** найденное пополам и тем способствуя ознакомлению Европы с историей древняго Ирана и обогащая наши национальные музеи. Уже несколько лет как здесь работает известный археолог, специально приглашенный для изучения и реставрации памятников старины. Ошибочно было бы думать, что работы приостановились или темп их замедлен, в виду достигнутых уже результатов. Нет, совсем наоборот — эти результаты толкают страну на дальнейшее строительство и оно идет лихорадочным темпом, без всяких пятилеток и четырех-

леток; без шума и рекламы, тихо, но уверенно страна двигается вперед, по пути культуры и прогресса.

Заканчивающаяся в будущем году постройкой Трансиранская жел. дорога — это шедевр технического искусства.

Весь север Ирана покрыт сетью телефонных станций. Много мыловаренных заводов, достигших прекрасных результатов. Есть несколько пивоваренных и ректификационных заводов. В разных районах страны построены хорошо оборудованные сахарные заводы, продукция которых все увеличивается по мере того, как население осваивается с культурой свеклы.

Также хорошо поставлено и модернизировано виноделие. В провинции действуют фабрики шерстяных и шелковых тканей.

Готовятся к открытию большие писчебумажная и картонная фабрики.

Модернизирована также сушка фруктов (по Калифорнийскому способу) — один из главных предметов экспорта. На севере разведены большие плантации чая, где работа производится под руководством опытных специалистов-китайцев.

На юге правительство бесплатно раздает участки земли и даже субсидирует деньгами и семенами желающих заняться культурой хлопка.

Открыты профессиональные школы для возрождения и поднятия старой промышленности бархата, ковров и шелковых тканей.

Всюду разбросаны мастерские чулок и носков.

Что же касается гаражей и мастер-

ских для ремонта автомобилей — им нет числа.

Выше мы сказали о быстром распределении ценностей, потребляемых внутри страны, благодаря хорошему транспорту и хорошим дорогам. Повторяю, эти условия исключают явления, которые наблюдались здесь еще не так давно (лет 15 назад), когда в одной провинции не знали, куда девать излишки хлеба, а в другой — люди умирали от голода. Тот же фактор — отсутствие дорог, дешевого и быстрого транспорта создавали прямо уродливое положение и во внешней торговле. Например, рис и хлопок — главное производство северных провинций Ирана — могли продаваться только на русский рынок, через Каспийское море и, конечно, по цене, которую давали, а не по цене мирового рынка этих продуктов. Теперь все же есть возможность отправлять эти товары на юг если цена, предлагаемая северными купцами, слишком уже абсурдна. И такая возможность приближает теперь цены северных покупателей к нормальным. Эти товары хорошо переносят далекий транспорт и не так давно еще Япония закупила здесь большие партии хлопка для нужд своей промышленности. Да и потребление хлопка внутри страны быстро увеличивается благодаря ряду текстильных фабрик, построенных заботами Иранского правительства и по частной инициативе.

Для зерна, с целью улучшения его качества и хранения без риска самовозгорания и гниения, наконец для того, чтобы иметь возможность выжидать лучших цен на мировом рынке, постро-

ены и строятся громадные зернохранилища по последнему слову техники. В скором времени будет закончена также постройка шелкопрядильной фабрики.

В Тегеране организована постоянная выставка продуктов и произведений отечественной промышленности, которая ежегодно пополняется новыми экспонатами, иллюстрирующими достигнутые за год результаты.

Одним словом, заграничный покупатель сильно ограничен в возможности спекулировать на затруднениях местного продавца, который не так давно вынужден был сбывать свои товары почти буквально за цену, диктуемую ему покупателем.

Все это гигантское строительство ведется строго по заранее выработанному плану и до сих пор, при новой династии, ни разу не вышло из рамок государственного бюджета, который вырабатывается правительством на каждый год и утверждается парламентом. Страна чрезвычайно богата в своих недрах, где содержатся кроме нефти, почти все полезные минералы и металлы: медь, железо, никель, серебро, свинец, есть и признаки присутствия золота, как в кварце, так и в речных песках: есть киноварь, марганец, сурьма, бирюза и др. Здесь со временем должна создаться огромная промышленность, которая сможет обслуживаться своим каменным углем, — богатые его залежи встречаются повсеместно.

Но к этой отрасли подходят пока очень осторожно, чтобы избежать чрезмерных увлечений, которыми вообще характеризуется горная промышленность. За мою многолетнюю работу на нефтяных промыслах Кавказа, Румынии и Ирана, мне не раз приходилось слышать: «Я хотел бы иметь только те деньги, которые затрачены на непродуманное бурение», т. е. легкомысленно. Здесь же, при новом режиме, легкомысленность вообще исключается из обихода. Оживление в жизни из-за роста промышленности и строительства, а также эволюция условий жизни — сильно изменили психологию масс, и на будущее Ирана можно смотреть оптимистически, особенно если начавшееся уже понижение выработки опиума, этого величайшего и жесточайшего бича всего Востока, будет прогрессивно сводиться на нет.

Достойный сын своей, некогда знаменитой страны, давшей миру Фирдоуси, Саади, Хафиза, Омар Хайяма и ту высокую культуру следы которой находят в раскопках и в старом искусстве, повторяю — достойный Сын народа и его сегодняшний Вождь — воскрешает засыпанную пылью веков старую культуру и создает новые ценности, своей сверхчеловеческой волей и неуспянным трудом своим и своего народа, разбуженного им от многовековой спячки.

И. Аргейд.

3. АВАЛИШВИЛИ.

О воспоминаниях Муса-Паши Кундухова

МЕМУАРЫ генерала, впоследствии паши, Мусы Кундухова*) (1820-1889), напечатанные в "Кавказе", являются не только важным свидетельством современника и участника о некоторых событиях Кавказской войны и о политике русского правительства в горской части Кавказа. Это, прежде всего, человеческий документ большой свежести и яркости. В нем сжато, картинно рисуется личная, далеко не заурядная история автора. Но особенно значительны эти записки для всякого, кто желал бы лучше вникнуть в корни политического самосознания кавказских горцев. Очень своеобразен путь его развития или вылупления из сознания религиозного в национальное. Потому именно и примечательны воспоминания Мусы-Паши, что в них с большой четкостью представлен один из вариантов преобладающе-мусульманского настроения горцев; вариант уже изжитый, однако, отразившийся и на новейшем их политическом движении.

Скажем сразу: путь указанный Кундуховым своему народу вел прямо и безошибочно на то "кладбище истории",

*) В прекрасной биографии его, написанной А. Кантемиром (см. «Кавказ» апр. 1936 г.), годом рождения паши показан 1818. Между тем, сам автор мемуаров определенно говорит, что русскую службу он покинул — в 1865 г. — будучи 44 лет от роду. Следовательно он родился в 1820 или 1821 г.

на котором, по словам барона Услара, оказались например погребенными ушедшие после Крымской войны с Кавказа в Турцию черкесские племена. (Кстати, Кундухов лично знал и очень уважал Услара).

Однако к такому самоубийственному для национальной будущности горцев выводу — о необходимости им совершенно слиться с турками-османами — он пришел лишь в конце своего кавказского опыта.

Во всяком случае, невозможно отнести его к зачинателям или основоположникам национальной политики кавказских горцев. И уж совсем, видно, далек был он от подчеркивания более тесной племенной своей принадлежности. Осетин-тагаурец по происхождению, Кундухов мало на этом останавливается. Он не выдвигал какой либо политической программы. Единственное, чего он требовал от русской власти на Кавказе — это быть честнее, справедливее, великодушнее, терпимее; считаться с обычаями, уважать права других, не давить чрезмерно, не нарушать торжественных обещаний.

Не пред'являя какой либо определенной горской программы, Кундухов очень живо и непосредственно отражает ту общность интересов, то чувство идейной солидарности, которым как то связывались в одно моральное целое горские племена Дагестана, Чечни, Осетии, Ка-

барды и Западного Кавказа. Разумеется, были обстоятельства, более сильные чем это чувство, вносящее разобщение и разброд в эту среду. Вдобавок объединению, залогам ее культурного развития, всячески и планомерно препятствовал завоеватель-колонизатор. Сам Кундухов ясно видел и внутренние, местные причины этой разобщенности. Но он прекрасно объясняет, почему, несмотря на все трудности, объединение, например, Чечни и значительной части Дагестана все же могло осуществиться под властью Шамиля. Этому, говорит он, способствовал "не религиозный фанатизм или мюридизм (как убеждают русские), а то, что до вступления их под власть русских они не имели понятия о величайшем несчастии, т. е. об общем народном горе. Теперь они одинаково испытали тяжесть русского гнета... и потому просто, по внушению сердца и разума, нашли необходимым дружно соединиться и признать власть Шамиля... в чем они не ошиблись и что по справедливости делает им честь".

Однако самый значительный факт в жизни Кундухова заключается как раз в том, что огромной по напряжению и сильной духом, если не средствами, попытки Шамиля он не поддержал, остался верным России и не перешел к нему, как некоторые из ближайших его родственников, в том числе родные его братья.

Он предпочел уйти совершенно легально в Турцию и увел туда, под власть единоверцев, несколько тысяч горцев, содействуя тем самым, сколько мог, обезлюдению своей страны. О том, чтобы свои знания, связи и опыт предоставить в распоряжение Шамиля, и вопроса

не возникало, хотя имаму именно не хватало людей с достаточной европейской подготовкой: он вынужден ведь был дорожить, в качестве "специалиста", даже каким-нибудь Хаджи-Юсуфом, прошедшим скромнейший стаж службы в египетских войсках! Борьба Шамиля при всех эпических подвигах его войск, была все же войной с кустарными средствами. Более того, сам Кундухов, отдавая должное личным качествам имама, все же успехи его приписывает прежде всего доблести его воинов, а ему лично делает упрек в нерешительности, в неумении использовать до конца такую удачу, как напр., известное поражение русских войск во время Даргинского похода 1845 г. (это та "сухарная" экспедиция, о которой безтактно говорит за столом у наместника кн. М. С. Воронцова простоватый генерал в "Хаджи-Мурате" Л. Толстого), когда Шамиль позволил спастись остаткам русского отряда, а Воронцов избавился от плена. Не воспользовался Шамиль, по мнению Кундухова, благоприятной обстановкой и во время похода в Кабарду, в 1846 г., когда являлось возможным связать войну дагестанскую и чеченскую с выступлениями черкесских племен на западно-кавказском театре. Интересные замечания эти совпадают с оценкой событий, уже сделанную и другими историками кавказской войны. Насколько она правильна, вопрос другой, для нас здесь несущественный.

Надо думать, что будучи человеком регулярной военной выучки Кундухов вообще не очень верил в успех Шамиля. Да и вся примитивно-религиозная атмосфера священной войны под знаменем пророка мало ему подходила, как

мало она подходила весьма многим из его соотечественников-горцев.

Основная драма Кавказской войны заключалась в том, что значительная часть горцев, когда эта война по настоящему началась, пребывала в состоянии до-государственном или вне-государственном. Некоторые, унаследованные от прошлого, политические формации, до крайности устаревшие и обреченные историей на слом, существа дела не меняли. Вечно оставаться в состоянии племенной и родовой разобщенности или в завидном положении людей, не знающих над собою начальства они однако не могли. Пришлось по причинам историческим и географическим войти в соприкосновение с большою, громоздкою и далеко не ласковою организацией Российской Империи (хотя многие продолжали мыслить и готовы были действовать так, как будто бы турки все еще имели опорные пункты в Крыму, в Азове, на Кубани). Одни, как та, например, среда, из которой вышел Кундухов, подчинились этой организации, нашли в ней даже, может быть, некоторые выгоды, приспособляясь к новым условиям как бы в рассыпную, врозь, и сохраняя все что можно из прежнего быта (им в том и не мешали: "тоталитарных" государств тогда еще не было).

Молодым русским офицером, Муса Кундухов как то встречает во Владикавказе одного чеченского старшину, бывшего в долгу по части родовой мести у родни Мусы, тагаурских алдар. Пистолет выхвачен, и готово дело: старшина убит, Кундухов в мемуарах высказывает свое сожаление об этом своем поступке.

Здесь под мундиром офицера русской армии обнаружился человек родового

быта, формации, так сказать, догосударственной. Надо сказать, что русское правительство к обычному праву, "адату", допускавшему кровную месть, относилось часто не без снисходительности, видя в нем меньшее зло, чем шарият, мусульманский закон, неблагонадежный с точки зрения политической. И это понятно.

Шамиль и его сподвижники стремились преодолеть разобщенность, пестроту родовых и общинных организаций, племенную черезполосицу и безгосударственность горской среды построением теократического единоначалия. Огнем религиозного, мусульманского порыва они желали добиться нужного им сплава, спайки этой среды в одно целое. Такое горючее решение вопроса ломало традиционные формы жизни, подчиняя ее строгости шарията и еще более суровым дисциплинам Ислама. Зато оно создавало необходимое имаму орудие властвования. Оно вносило, несомненно, чрезмерную напряженность в жизнь народа. Об'единяя одних — чистых, приявших учение — оно других, неприявших готово было считать язычниками, отщепенцами. Между тем, эти "язычники", т. е. мусульмане, не столь крайнего направления, со всем их сословным, племенным и бытовым разнообразием, в сущности и были по преимуществу материалом будущей горской нации. И то, что подходило для внезапных вспышек воинствующего религиозного настроения где-нибудь в Судане или на северо-западной границе Индостана, не имело будущности в условиях политической географии Кавказа и навыков большей части его населения.

Сам Кундухов, мы знаем уже, очень далек от идеалов священной войны, гавата. В 1837 г. мы видим его скачущим у коляски императора Николая I, приехавшего на Кавказ: картина вполне символическая, рисующая отношение к русской власти значительной части горского (и не только горского) дворянства в стране.

Все это прирожденные воины, в военном ремесле видящие свое истинное призвание. Включившись на очень своеобразных основаниях в состав огромного Российского государства, они будут служить ему где только потребуются их услуги. Кундухова с другими горцами мы видим и в русском наскоке на борцов за независимость Венгрии в 1848 г., и еще раньше в походе против польских повстанцев в Кракове; и в русских экспедициях в том же Дагестане, в Абхазии... Воевал он и с турками во время Крымской войны. Таков уж непреложный закон имперской службы и имперского подданства, и кавказцы не миновали того, что одновременно или позже в еще более обширных размерах проделывали, вынуждены были проделывать "воинственные", "мужественные" туземцы Северной Африки, Индостана на службе европейских империй.

Он ни на минуту не руссофоб. Хороший служака николаевской школы, лично дружбою связанный со многими из сослуживцев, он считается только с личными же достоинствами людей, и далек от того, чтобы злые дела, возмутительные несправедливости, которых свидетелем он был, ставить в вину русскому народу. Особенно ярко выразилось это отсутствие национально-политической точки зрения и замена ее оценкою че-

стности или порядочности отдельных лиц в некоторых замечаниях его по поводу неслыханной расправы с черкесскими племенами Западного Кавказа. Дело происходило в 1863 г. Кундухов только что побывал в Константинополе, где с разрешения русского правительства подготовил почву для своего переселения в Турцию, вместе со своими родными и с множеством чеченцев. Возвращаясь в собственном экипаже во Владикавказ, "на одной из почтовых станций, — рассказывает он, — я встретился с абадзехскими переселенцами, не успевшими переселиться в прошлом году. Когда я раздавал там мальчикам деньги на орехи, смотритель той станции, по всей вероятности заметив во мне смущение, подошел ко мне также со слезами и взволнованный чувством негодования сказал: — Ваше превосходительство, какое сердце не заплачет, видя эту печальную картину. Ведь надо Бога бояться. Земля их родная, зачем мы их гоним. Бог знает куда? Я их спрашиваю, куда они едут. Говорят, что в Турцию, но что с ними будет там, они сами того не знают. — Из сказанного смотрителем я убедился в том, что правительство русское поступает в действиях своих против русской природы".

В таком суждении нет ничего удивительного, при всей глубокой его наивности. Но что сказать о следующем сообщении Кундухова: "Приехав в гор. Ставрополь, я остановился у командующего войсками гр. Евдокимова. Он покорила Чечню и Западный Кавказ; несмотря на это горцы любили его и уважали, видя в нем правдивого, умного и храброго человека".

Дальше этого в смысле несознатель-

ности или бессознательности национально-политической идти некуда. Кундухов прибавляет даже, что Евдокимов был доволен личным его переходом в Турцию. Еще-бы! дело было ведь в том, что этот "переход" был связан и даже обусловлен добровольным уходом с Кавказа несколько тысяч горских семейств, и этим Евдокимов был, конечно, очень доволен! Если бы вся Чечня и весь Дагестан ушли в Турцию, он был бы и в полном восторге.

Много, очень много живых, ярких страниц имеется в мемуарах Мусы Кундухова об этом своеобразном выселении. Однако, при чтении их трудно отделаться от впечатления, что Кундухова в данном случае попросту обманули. Обманул "армяшка", по выражению Евдокимова, Лорис-Меликов, обманул и сам Евдокимов, да и другие. Отделались и от него, слишком уж принимавшего к сердцу обиды горцев, и ст желавших переселиться его сородичей и единоверцев. Желаете в Турцию? Скатертью дорога. По существу дело сводилось именно к этому.

В отдельности взятое, выселение горцев, выведенных в Турцию Кундуховым, не было событием столь чрезвычайным. На подробностях его нет основания останавливаться, как нет основания сомневаться в его искренности, когда он говорит, что ничего в будущем кроме нищеты и насильственного обращения в христианство горцы для себя не могли ждать под властью России. Проницательна ли была такая, в тот момент очень выгодная для русского правительства, оценка будущего? И если она понятна в устах некоторых из последователей Шамиля, то обязательна ли она была и

допустима для человека, каким нам рисуется Кундухов? В эти вопросы нет необходимости углубляться. Важнее остановиться на том поистине замечательном выводе, который был им сделан на основании столь горького и, надо признать, крайне одностороннего суждения о будущности уготовленной для горцев на Кавказе Россией в 1860-ых годах. Кундухов заявляет: "не желая своему потомству подобной участи, я обязан искать ему отечество, и выбор мой, как мусульманина, пал на Турцию, где безукоризненно слившись сердцем и душой с османлы оно будет с ними делить скорбь и радость своего отечества, имея по умственным способностям своим открытую дорогу к высшим государственным должностям. А здесь стыдно и грешно нам слиться с врагом, лишившим нас отечества и всех прав".

Правильна или неправильна была подсказавшая их оценка вещей, слова значительная, знаменательная, и, с точки зрения кавказской, самоубийственные! Раз мы не можем жить на Кавказе, в условиях, для нас приятных, уйдем в Турцию под власть султана-халифа и станем турками. Вопрос о приобщении к определенному государственному порядку, о выходе из безгосударственного состояния получает здесь конечно разрешение; разрешается, однако без Кавказа и вне Кавказа. Ясно, что такая доктрина не включает в себе и зерна горского национализма, хотя у Кундухова, как мы уже сказали, было живое чувство политического единства и солидарности горских племен, объединенных исламом, и достаточно привязанности к Кавказу, их родине. Беда в том, что строевой офицер и кавказский админи-

стратор, он политического вопроса себе не ставил и вне дилеммы — Россия или Турция — будущности себе вообще не только не рисовал, но и связь с Россией — или Турцией — мыслил как обязательное превращение в русского или турка!

Не чужда была ему, как видно, мысль, что новое столкновение двух Империй на кавказском фронте не за горами, что доведется ему там еще повоевать, чтобы Кавказ стал "османлы". Словом, это была, в более сложной и хитрой форме, та самая, безотчетная, слепая ставка на халифа, на могущественного султана "хункяра", ради которой многие пожертвовали жизнью и имуществом, от цветущего некогда черкесского побережья Черного моря, до лесных трущоб Чечни и каменистых ущелий Дагестана.

Если брать отдельно карьеру Мусы, не лишено, конечно, пикантности, что он сумел из генерал-майора русской службы стать турецким пашею **мир-лива**, т. е. бригадным генералом, в сущности даже и не рассорившись с русскими. К своему русскому послужному списку он прибавил еще и турецкую главу.

Война 1877 г., для Турции весьма неудачная, хотя далеко не безславная в военном отношении, дала повод Кундухову снова и непосредственно встретиться с русскими властями. По Адрианопольскому перемирию 19 января 1878 года турецкие войска очищали Эрзерум, но командовавший там мушир Измаил-паша не желал сдавать русским не взятую крепость. Посланный Лорис-Меликовым для переговоров бывший русский консул в Эрзеруме Обермиллер был встречен Муса-пашею Кундуховым (теперь он был **ферик**, т. е. дивизионный

генерал). Был момент в этих переговорах, когда Муса-паша вынужден был сказать русским уполномоченным: "поезжайте с Богом. Мы не уйдем, готовы умереть здесь до последнего человека". Однако, турецкое правительство формально подтвердило муширу приказание сдать крепость. Убитый горем Измаил-паша вынужден был подчиниться прямому приказанию султана и возложил передачу крепости русским военным властям (ген. Духовскому) на Кундухова. Между прочим, русские были поражены прекрасным состоянием Эрзерума, всем обильно снабженного, несмотря на выдержанную блокаду. Русское начальство просило Кундухова остаться еще в городе, для пользы дела, но мушир, выехавший 7 февраля из Эрзерума взял его с собой, говоря что ничего не может без него. (К искреннему горю и благородству Измаила-паши русские отнеслись с должным уважением).

Как известно, по Берлинскому трактату 1878 г. Россия оказалась вынужденной вернуть Эрзерум Турции. 7 сентября 1878 года турецкие войска опять туда вернулись: во главе их был тот же ферик Муса-паша Кундухов. За семь месяцев до того он сдал крепость русским; он же принял ее от них обратно. Простился он с русскими начальниками самым дружеским образом, обещав им обезпечить мир в крае и охранить христиан от возможной опасности после ухода русских войск. Обещание было исполнено. Боялись резни в дни байрама 16/19 сентября. Муса-паша принял строгие меры, и публично держал строгую речь Муфтию, говоря, что если что-нибудь произойдет, то первым делом по

везят его, Муфтия, а затем и самого Мусу^{*}).

Словом, времена были наивные и трогательные, по сравнению с некоторыми эпизодами новейшей истории.

Однако, Кавказ здесь в стороне; и, право, лучше было бы если бы Кундухов не покидал своего имения, "3800 десятин удобной земли и дома из тесанного камня с флигелями, башней и фруктовым садом в ауле на южной покатоности кабардинских черных гор Скутыкахе"...

Для того, чтобы сдавать русским или обратно принимать от них Эрзерум, пожалуй, и не стоило превращаться из генерал-майора в мир-лива. А останься Кундухов на Кавказе, может быть он сумел бы предупредить несчастное, безнадёжное восстание в Чечне и Дагестане, дорого им стоившее, хоть и с лёгкостью подавленное (в 1877 г.) Восстанию, несомненно, дан был толчок из Турции^{**}).

Скажут, что риск благородное дело, что Муса-паша надеялся вернуться на Кавказ с победоносной оттоманской армией. Такие мечтания могли быть. Опре-

*) Эти подробности приведены в исторической записке о Кавказе покойного полковника Семёна Эсадзе.

деленных планов наверное не было; а если и были, то химерические.

В дни Кундухова, как и теперь, жизнь горцев и вся их будущность связывались с Кавказом, а не с Малой Азией. В своем бурном прошлом и в новое время горские народы не раз показали свою приязнь, дружбу и даже самоотверженную преданность Турции. Но стремления попросту превратиться в турок они никогда не обнаруживали. Очень многих постигла именно такая судьба, без доброй их на то воли. Раз попав в Турцию, трудно, даже невозможно, было им быть там "кавказским народом". Теперь еще труднее, чем когда либо. Урок неудачного Моисея — Мусы, с его обетованною землею — не прошел даром, а халифат, султанство и шариат утратили притягательную силу и в глазах самих турок.

3. Авалишвили.

**) Интересные данные об этом восстании сообщены были совсем недавно в статье Джона Бадлей, автора истории завоевания Кавказа, вышедшей на англ. языке в 1908 г. Статья эта появилась в журнале «Georgica», ном. 2-3, окт. 1936. *John Baddeley. The Rising of 1877 in Doghestan and Tchetchnia.*

Кстати, автор сообщает, что им подготовлен к печати новый труд о Кавказе, в двух томах.

ТАМБИИ ЕЛЕКХОТИ.

Горцы и Терское Казачье Войско

В № 222 журнала «Вольное Казачество» один из казачьих деятелей г. Балинов подвергается недобросовестным нападкам за попытку его сговориться с горцами в борьбе за осуществление общей независимости. Известно, что борьба за независимость для всех народов всегда была чрезвычайно тяжелой. История знает мало случаев, чтобы какой-нибудь народ добился своей независимости без серьезной моральной и военной помощи другой дружественной нации. Этой практической необходимости подчиняются в своей борьбе и угнетенные народы на Востоке Европы, которые сегодня поставили проблему своего освобождения в порядке дня.

Но из этого общего явления, видимо, хотят составить исключение казаки-сепаратисты. Г. Билый может сколько угодно твердить своим казакам о серьезности почвы, на которой он стоит, но отсутствие сговора его с соседними народами: и с кавказцами, и с украинцами, и с туркестанцами, и с иделуральцами, и с др. — факт общеизвестный. Остается непонятным, как и с кем казаки-сепаратисты намерены осуществить намеченные ими политические задачи. Казачий деятель Балинов пытается восполнить этот пробел в деятельности казаков-сепаратистов. Само собой разумеется, что всякий сговор предполагает взаимные уступки, хотя здесь не могло бы быть речи об уступках (каких?).

За благородные и разумные попытки столкнуться с горцами и кавказцами и устранить все, что мешает тесному сотрудничеству казаков с соседними народами, г. Билый не постеснялся приклеить Балинову ярлык предателя казачества.

Г. Балинов, надо полагать, сумеет постоять за себя и потому не нам вмешиваться в этот внутренний казачий спор. Нашей задачей является пролить в этой статье некоторый свет на горско-казачью проблему, как она представляется нам в данный момент.

Умышленно или по неведению г. Билый преподносит казакам горско-казачью проблему в таком свете, который совершенно не соответствует ни реальной действительности на местах, ни реальным возможностям казачества. В самом деле, достаточно взглянуть на карту Биловской Казакии, преподносимую им изо-дня в день своим читателям, чтобы сразу-же согласиться со справедливостью нашего утверждения о несоответствии казачьих притязаний, представляемых г. Билым, реальным возможностям казачества. Этого, конечно, г. Билый не может не понимать, ибо нужно быть либо политическим шутником, либо злостным провокатором-предателем, чтобы на протяжении 10 лет вбивать в головы молодого и неопытного казачьего поколения мысль о великой Казакии с землями и на Севере, и на Юге,

и на Востоке, и на Западе, как какими-то выморочными участками, которые только того и ждали, чтобы г. Билый причертил их на своей карте. Работа не сложная, если принять во внимание, что в безопасном Париже фактически спорить не с кем и не о чем, бумага-же терпит все, а на практике даже в ледяных просторах Полюсов не так просто всадить в лед какой-нибудь флажок, имеющий реальное значение.

Ни мы горцы и кавказцы, ни казаки, находящиеся в эмиграции, не решаем ни судеб наших народов, ни судьбы их взаимоотношений. Не дано нам здесь начертать и границы наших земель. Наши народы продолжают там жить и, последнее и решающее слово принадлежит им. (Кстати тут заметить, что и походного атамана казаки будут выбирать там).

Наша задача в эмиграции, казалось бы, заключается в исполнении некоторой подсобной роли в общей борьбе, которую ведут там наши народы, во взаимном ознакомлении и сближении друг с другом и в облегчении участи наших народов, если мы вообще способны на что либо полезное.

Имея ввиду неосведомленность значительной части не терских казаков, нам хотелось бы ознакомить их с фактическим положением вещей на Сев. Кавказе. Это тем более уместно сделать нам, что все горско-казачие события происходили на наших глазах, а очень часто и при непосредственном нашем участии.

Известно, что всякая народность, способная на политическую жизнь должна обладать определенной территорией с ясно очерченными границами, так сказать — иметь свой очаг. Не многие ка-

заки, вероятно, знают, что этим основным условием особенности Терское войско никогда не обладало, и если бы не могущественная защита Российской власти, оно давным давно ассимилировалось бы с коренным населением и, как казачество, не оставило бы и следов. Это станет понятно, если вникнуть в систему расселения Терских казаков среди горцев. Вследствие этого же, не представляется возможным начертить карту Терского войска вне общей карты Терского Края. Терцы могут засвидетельствовать, что компактной массой в строго округленных границах они на Тереке не жили. Не может быть поэтому никакого сравнения терскаго войска с Кубанью и Доном, являющимися казачьими странами.

Российское царское правительство в соответствии со своими планами поселило терских казаков не вместе, не компактной массой, а разбросало их по телу горских народов. Нельзя, напр., было проехать из одного аула в другой, не проехав через станицу. Это и было то положение, которое на официальном правительственном языке называлось — "казачьей черезполосицей". Терские казаки были вкраплены отдельными сторожевыми постами, впоследствии развернувшимися в станицы между горскими аулами — этого требовали интересы русской государственной безопасности и "умиротворения" Северо-Кавказского края. И если бы г. Билый был последователен, то, притязая на земли терского войска, он должен был бы включить нас в свои владения, а границы Кавказии довести до самой Грузии, ибо были станицы, лежавшие к хребту южнее Владикавказа. Эта

система расселения казаков на Тереке объясняет и роль, отводившуюся терским казакам и заключающуюся в поддержании весьма сурового военно-полицейского режима среди горцев, никогда не допускавшихся к управлению областью, которая находилась целиком и исключительно в руках казаков во главе с наказным атаманом.

Великая Восточно-Европейская революция была встречена горцами, как укрепление от этого, я бы сказал, казачьего ига. В разгаре народных стихий от терского казачества не осталось бы и следа, если бы нечеловеческие усилия горской интеллигенции не удержали разбушевавшихся страстей. Элементарное чувство справедливости требует признать, что терские казаки своим физическим сохранением обязаны не г. Билому, вспомнившему о "терских братьях" в Париже, а нам — Горской интеллигенции. Само собой разумеется — в волнах революции, захлестнувших всю Россию, трудно было создать казакам райскую жизнь. Без эксцессов не обошлось. Были серьезные стычки (однако никогда не принявшие общего характера), в результате которых станицы, находившиеся на теле ингушского народа, были снесены. Что же происходило вокруг?

Гражданская война, охватившая всю Россию, стала приближаться к Кавказу. Дон, Кубань, Горцы, Вольные народы степей и кавказские народы принимают лихорадочные меры против анархии. Этими же событиями был вызван и заключенный между этими народами Юго-Восточный Союз.

Вот на этих примерах, на истории не-

давнего прошлого следовало бы всем нам учиться.

Кубанская Рада, в которой в качестве делегата заседал и г. Билый, неоднократно и твердо давала понять терским казакам о необходимости сговора с горцами, при чем горцы дали казакам доказательство честной гарантии полного равенства их во всех отношениях с коренными гражданами страны. Терские казаки, вместо того, чтобы устраивать общий дом со всеми народами тогдашнего Юго-Востока России, начали ориентироваться через головы горцев, Кубани, Дона и народов Вольных степей, попеременно то на Деникина, то на большевиков, иначе говоря на "Великую, единую и неделимую Россию". Г. Билому больше, чем кому бы-то ни было известно, что на этой позиции терские казаки в эмиграции продолжают стоять и по сей день. К горькому разочарованию терских казаков обе российские силы предпочли не углублять с горцами борьбы из-за терских казаков. Война горцев и с теми и с другими Российскими силами была не из-за казаков, а за независимость. С занятием Сев. Кавказа Добровольческой армией, терские казачьи деятели просили командование переселить казаков обратно в станицы, выселенные ранее из Ингушетии. **Чем руководилось командование, нам не известно, но оно попыток к новому занятию этих станиц не сделало.** Сами же выселенные казаки, когда возникла в некоторых горячих головах идея об использовании сил Доброармии для нового занятия упомянутых станиц, наотрез отказались снова селиться там, где они родились и выросли. Всем было ясно, что

для горцев это не было делом какого либо престижа или самолюбия. Это был вопрос жизни и смерти, и в такую борьбу ни сами станичники, ни добровольцы не пожелали вступить.

Каково же положение на Теректе теперь? Казачья черезполосица, которую можно считать ликвидированной, проходила по живому телу горских народов. Думать о том, что когда либо можно будет воссоздать эту черезполосицу, т. е. иначе говоря Терское войско, может только или сумасшедший человек или заведомо злостный провокатор, которому не жалко ни казачьей, ни горской крови. Вопрос этот для горцев является вопросом жизни и смерти и в разрешении этой проблемы горцы видят для себя и смысл революции.

Каковы же шансы г. Билого, когда он подводит границы Казаккии к самому сердцу горских народов — к Владикавказу и на что он рассчитывает?

Само собой разумеется, что не только с казачеством, но если бы суждено было нам остаться в пределах великой России и если бы эта последняя попыталась восстановить старое положение, горцы несомненно не задумались бы начать новую и жестокую борьбу и с Великой Россией, тем более, что эта борьба для горцев стала традицией. Горцы считают, что этот вопрос раз и навсегда разрешен великой революцией. Трудно, однако, предположить, что если бы нам суждено было вновь очутиться под властью России, чтобы Россия стала бы снова на теле горцев создавать новое терское войско. В этом отношении показательно и поведение Деникина, представителя старой власти и старой вели-

кодержавной идеологии, но не сделавшего попыток к отобранию от ингушей занятых станиц.

Будут ли Кубань и Дон вести империалистическую войну с горцами за бывшие земли терского войска? Практика недавнего прошлого Кубани, Кубани Калабухова и Рябовола и Дона Каледина и даже Харламова, свидетельствуют о том, что за Терек эти две казачьи страны с горцами войны никогда не начнут. Терские казаки это знают так же твердо как и мы, — вот почему вольноказачье движение не встречает сочувствия среди терцев. Последние еще не потеряли надежды на Великую Россию. Но что она им даст?

Таким образом объективные данные заставляют верить, что Дон и Кубань воевать с горцами не будут. С другой стороны, если предположить, что казачество пойдет за своим "походным атаманом из Парижа", не следует вводить казачество в заблуждение: На Сев. Кавказе нет выморочных участков. Не нужно забывать и того, что Кавказ вовсе не был завоеван казачеством. Роль казачества в кавказской войне ограничивалась ролью конницы во всякой иной войне, и охранной службой. Кавказ завоеван русским солдатским штыком. Это он шел в атаку на наши сакли и скалы. Это он страшен нам и в предстоящей борьбе за нашу независимость. Не на этого ли серого солдата делает ставку "сепаратист" Билый?

Серьезный политик вряд ли нашел бы время чертить себе какие-то фантастические карты или вести игру в эмигрантских условиях в какие-то походные атаманы. И карта на обложке журнала //

игра в походные атаманы совсем не содействуют объединению казачества — это как раз то, что казачество раз'единяет, то, чем предаются интересы единого казачества и казачьей солидарности. Вот над чем следовало бы подумать г. г. из "Вольного Казачества".

**

Все эти соображения мы высказали так, как если бы терские казаки в целостности и невредимости пребывали на Терекке и по сей день. Как известно, до войны терских казаков обоего пола по войсковой статистике было 240.000 душ. Позиция горцев с тех пор не изменилась, а события происшедшие за последние 20 лет, эту нашу позицию лишь укрепляют. Эти события, в достоверность которых мы верим, представляются в следующем виде.

Для удовлетворения земельной нужды горцев Советское правительство разрешило горцам селиться не только на казачьих свободных землях, но и в станицах. Вскоре в станицах получилось смешанное население, а две уцелевшие в Ингушетии станицы перешли в ислам, и там население уже не только перемешалось, но и породнилось. Подавляющему большинству терских казаков совместная жизнь с горцами не понравилась и в виде исключения по ходатайству казаков Сов. правительство разрешило казакам перепродажу имущества новым переселенцам из гор. В результате переселенческая мания охватила казаков до такой степени, что в настоящее время они остаются лишь в двух бывших отделах — Пятигорском и Моз-

докском, откуда тоже многие переселились, но все же кое-какое количество более или менее компактной массой остается. Административной единицы, однако, нигде они уже не составляют. Сколько их осталось на Терекке? Точных данных у нас нет, но по имеющимся у нас сведениям от перебежавших за последнее время кавказско-турецкую границу (причем среди наших информаторов были и русские люди), количество терских казаков, оставшихся на Терекке, должно быть менее 50.000 человек.

Переселенческая мания охватила даже русское население города Владикавказа, откуда тоже многие, ликвидировав имущество, переселились в Россию. Но предположим, что остались на Терекке, все 240.000 казаков. Что же из этого следует? И так и этак казачество было небольшим меньшинством, не занимавшим, как уже было сказано, округленной территории и находившимся на теле горских народов. Судьба Терекки в этом случае решалась бы так, как ее решала кубанская рада: т. е. сговариваться казакам (терцам) с горцами, среди которых они жили.

При таких условиях Билому остается бряцать оружием из-за Грозненской нефти. Но гор. Грозный сегодня столица Ингушко-Чеченской республики, а Кизляр и весь Кизлярский казачий отдел, на административной территории которого находился Грозный, весь отошел к Дагестану, вследствие почти полного отсутствия на этой территории казаков.

Война там и для Великой России не была прогулкой, но ведь мы теперь значительно выросли во всех отношениях.

Не нужно забывать и того, что казачий вопрос — это единственный вопрос, в понимании которого среди горцев нет двух мнений. Нет, я бы сказал, иного мнения даже у наших монархистов великороссийского толка. При таких условиях стоит ли г. Билому готовиться к такой империалистической аванюре? Владеем одинаково хорошо одинаковым оружием. Не лучше ли нам по хорошему делать общее дело, как это мы начали было делать с Кубанью, оставив карты с границами Казакии до нашего возвращения на Родину. Кроме того не следует забывать и того, что в определении границ Казакии заинтересованы не только горцы и казаки, а и Украина, и Туркестан, и Идел-Урал и др. кавказские народы, не говоря уже о России! Надо будет узнать и их мнение.

Таково положение теперь на Тереке. Мы не ругаемся за точность цифровых данных о количестве оставшихся на Тереке казаков. Но мы отвечаем за факт переселения огромного большинства терских казаков: небольшой части на Кубань, немного больше в Ставрополье, но значительное большинство — в центральную Россию и Сибирь. По заявлению наших осведомителей, терские казаки не пожелали обосноваться на Кубани. “Проклиная казачье звание, удалялись подальше от казачьих земель и селились не массами и даже не по несколько семейств, а отдельными семьями, чтобы скорее заметать следы казачьего прошлого и избавиться от преследований большевиков...” Я заключил в ковычки слова, как они были переданы нам нашим информатором.

Ни карта Билого, ни его бряцание оружием в безопасном Париже никогда не привлекали нашего внимания. Если же мы сегодня посвятили ему эти строки, то главным образом во внимание к доброй памяти Кубани Калабухова и Рябовола*) и тех казаков, которые здесь не потеряли чувства меры и здравого смысла, чтобы предостеречь их не увлекаться поистине предательской демагогией для завоевания земель, где казакам делать нечего. Казаки-сепаратисты должны помнить, что не легко им доказать особенность казачьей народности и что казачество не опора великодержавного империализма России, в особенности это трудно доказать иностранцам. Если г. Билый серьезный и честный сепаратист, ему этого обстоятельства не следовало бы забывать и для успеха, и личного и всего дела, вообще было бы полезнее найти с соседями другой язык.

Тамбий Елекхоти.

*) Г. Билый в №223 “В.К.” пытается умалить значение Кубано-Горского договора, не ратифицированного благодаря общей эвакуации. Он умышленно умалчивает, что договор этот “ратифицирован” кровью Калабухова, повешенного Деникиным именно за этот договор. Другие деятели, его подписавшие, благополучно здравствуют в эмиграции, продолжают служить родине и для них он не потерял ни своей силы, ни своего значения.

Приложения к мемуарам ген. Муса-Паши Кундухова

В прошлом номере нашего журнала мы закончили печатанием весьма интересные для истории края записки ген. Кундухова.

Помимо этих воспоминаний, генерал оставил еще некоторые переписанные им документы, из которых иные не лишены также известного исторического значения.

Здесь мы печатаем письмо начальнику главного штаба кавказской армии А. П. Карцеву, видному представителю русской власти и боевому генералу, с которым Муса Кундухов был связан многолетней дружбой еще со школьной скамьи в военном училище и к которому относился с симпатией и доверием. Письмо это послано вместе с ранее составленной запиской, также нами здесь воспроизводимой, где ген. Кундухов в общих чертах излагает свои взгляды на положение горцев и ошибочные мероприятия правительства.

Печатаемые документы лишней раз освещают кипучую и честную деятельность искреннего патриота, который прежде чем решиться на окончательный разрыв с русской властью, испробовал все средства, чтобы помочь судьбе горских народов и улучшить их положение, пользуясь всеми своими связями и не упуская ни одного случая довести правду до сведения власть имущих. Не

его вина, если ходатайства эти не дали в условиях российской действительности никаких результатов, благотворных для края, после чего он и покинул Россию, отказавшись от всех многолетних трудов и личных достижений своей блестящей карьеры русского генерала.

**

Письмо Карцеву — начальнику
 Главного Штаба*).

Милостивый Государь,
 Александр Петрович!

В последнее наше свидание, Ваше Превосходительство были так обязательны, что позволили мне изложить откровенно мои мысли о настоящем состоянии края.

Прежде всего я считаю долгом выяснить те побуждения, которые руководили мной при составлении этой записки.

Вскоре после покорения Восточного Кавказа у горцев Терской и Кубанской

*) Кавказский край, как известно, находился тогда под военным управлением, и начальник главного штаба мог по своему положению в наместничестве, содействовать благоприятному разрешению возбужденных в записке вопросов. Тем не менее последствий она не имела.

областей родились чувства страха и опасения за свою будущность. Всеми ими овладело убеждение, что правительство имеет затаенную мысль породить между ними нищенство и тем совершенно уничтожить их народность и религию.

Следствием такого убеждения было то, что чеченцы, шатоевцы и ичкеряцы возымели намерение в 1860 году снова отложиться, и сигналом к восстанию назначили в Чечне убийство в каком-нибудь из аулов бывшего в то время начальником чеченского округа полковника Белика. В это самое время последовало и мое назначение начальником Чеченского округа, коим я управлял два с половиной года.

В период моего управления тем округом мне удалось восстановить в нем спокойствие, а также не оставить в округе ни одного абрека, к сожалению же моему я не мог успеть в главном: убедить туземцев, в том, что правительство не стремится к их уничтожению.

Произвол казаков над ними, непризнание казаками никаких прав туземцев, беспрестанные столкновения их между собою большей частью из-за земли — породили не только вражду и ненависть между ними, но при том сильно способствовали развитию у горцев убеждения в неблагонамеренности целей правительства.

Теперь, в назначении наместником Великого Князя горцы видят отеческую заботливость о них Государя и после проезда Его Высочества по Терской области они получили веру и надежду на лучшее.

Мы, обязанные правительству воспитанием и личным благосостоянием, будучи твердо убеждены, что оно желает благоустройства народного не можем и не должны оставаться равнодушными к такому важному делу.

Вот мысли и чувства, руководившие мной к составлению при сем представляемой записки.

С истинными почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга — Муса Кундухов. 25 августа 1863 г. г. Владикавказ.

Докладная записка.

Известно, что горцев, начиная от Дагестана до Абадзехского народа, считают уже покоренными правительству.

Зная близко положение горцев в настоящее время я считаю долгом для будущего их блага и для пользы правительства выяснить следующее: у всех вышеназванных народов чувство страха за свою будущность и убеждение, что правительство стремится к их совершенному уничтожению, с каждым днем увеличивается, и они, потеряв всякую надежду на великодушие начальства считают лучшим и единственным средством для своего существования — не расставаться с оружием.

В действительности такого их отношения не следует сомневаться. Мне, как начальнику, имеющему связи и родство с ними, легче знать их мысли и желания, чем кому либо другому.

Я убежден что горцы не расстанутся с этой мыслью и с оружием до тех пор, пока не увидят себя обеспеченными в

средствах жизни: достаточным наделом их землею.

Лучшим доказательством может служить то, что до сих пор никто из них по неопределенности своего положения не принимается за устройство прочного хозяйства, имея к тому желание и средства. Говорят: зачем нам строиться? Бог знает, что будет "завтра"? Хотя между горцами и были люди, которые утешали, говоря что напрасен такой страх, но теперь, увидев, что казакам отводится по 30 десятин на душу, а туземцам не более 2-5 дес., они перестали утешать, вполне соглашаясь, что будущность горцев действительно страшна, и что при увеличении народонаселения потомству предстоит одни лишь бедствия. Об этом жители гор горюют не менее жителей плоскости, так как последние снабжают первых хлебом и настбищами для скотоводства.

Было бы вредно и грешно оставаться равнодушными к этому общему голосу народа и не принять решительных мер к водворению спокойствия в крае на прочных основаниях, в таких видах, чтобы туземцы видели в русских истинных покровителей, а не жестоких врагов, признающих их истребление роковой необходимостью. Тогда только горцы будут покорными и преданными правительству. Иначе же горец, не имея земли, не может иметь хозяйства и оставить хищные наклонности. Не зная другого ремесла, возможность своего существования будет видеть только в грабеже, передавая это как завет потомству.

Этот вывод я делаю из следующих

очевидных истин: до водворения казачьих станиц в Кабардинском округе большая часть туземцев имела по несколько тысяч овец, несколько сот кобылиц и рогатого скота. Благоденствуя в то время, кабардинцы бедность считали пороком, приписывая ее личному нерадению, и потому каждый из них, стремясь к честному труду оставлял наездничество и воровство, имея только одну заботу расширить свое хозяйство и упрочить за собой земли, где обитал, с чем часто обращались они к высшему начальству и получали всегда только обещания.

Когда же некоторые земли отошли под поселения казачьих станиц, это подало повод некоторым из влиятельных лиц в 1846 г. пригласить Шамиля в Кабарду но так как приглашение не было сделано с общего согласия кабардинцев то Шамиль не мог иметь там успеха.

Затем кабардинцы, потеряв земли за Малкой (отданные тоже под казачьи станицы), потеряли доверие к обещаниям начальства и надежду на сохранение остальной земли вследствие чего и возымели желание переселиться в Турцию, продавая за бесценок табуны, чем совершенно расстроили хозяйство и имущественное положение.

В Осетинском округе редкий хозяин не имел рогатого скота и овец в достаточном количестве, а именно: овец от 100 до 1500 голов, крупного рогатого скота от 20 до 100 и более голов. С поселением же казачьих станиц и по отмежевании им 32 десятин на двор, имеющих более трех душ, осетины не только

стали не в состоянии расширить свое хозяйство, но даже мало у кого осталось небольшое стадо овец, потому что в пастбищных и сенокосных местах оказался большой недостаток, из-за чего они поставлены в необходимость нанимать у казаков земли с платою от 25 до 100 рублей за лето.

По этим причинам и из опасения насильственного обращения в христианство больше 300 дворов осетин переселились в Турцию, и хотя многие из них возвратились обратно, но уже совершенно нищими. Почти тоже самое можно сказать и о назрановцах и карабулаках, с добавлением, что молодежь считает лучшим ремеслом и единственным средством к жизни воровство и грабеж, упрекая того из них, кто ходит без оружия.

Чеченцы, после покорения края, заняв свежие земли, имея лишь самое необходимое число рогатого скота, кое как удовлетворяют своим необходимым потребностям, но улучшить и расширить хозяйство не представляется для них возможным. В Большой и Малой Чечне приходится на двор средним числом по 10 десятин, а во дворе бывает более 5 душ, и потому до того нуждаются в земле, что не проходит ни одного года во время полевых работ, чтобы не происходили между целыми аулами ссоры и драки, кончающиеся иногда убийствами за 2-3 десятины земли.

С казаками, которых чеченцы считают причиною этого стеснения в земле, они в непримиримой вражде, за что казаки платят также ненавистью. Отчего весьма часто происходят между ними убийства, несмотря на все бдительные

меры, принимаемые начальством к предупреждению подобных случаев.

Что предстоит при таком недостатке земли, при естественном увеличении народонаселения у горцев и у казаков, как не общий взрыв края и позднее созвание, что все огромные жертвы, принесенные правительством для покорения горцев, напрасны и невозвратно потеряны.

Кроме того, сколько различных жертв будет предстоять для нового водворения спокойствия и какую пользу можно ожидать от нового покорения? Если же правительство, обезоружив горцев, пожелает переселить их в Россию, то сколько это переселение будет стоить, и наконец — можно ли ожидать от этого переселения настолько хорошего результата, который соответствовал бы стоимости переселения и устройству на новых местах?

По всем данным, оставляя горцев в настоящем положении, не следует верить в будущее их спокойствие, а потому нельзя не смотреть на туземцев и на правительство, как на две воевавшие стороны, стоящие еще после сражения друг против друга, из коих победившая довольствуется только своею победою, не заключив прочного и выгодного мира с побежденною, а последняя имеет столько еще сил, что может при случае возобновить ожесточенную борьбу.

Поэтому мне кажется, чтобы вывести горцев из настоящего невыгодного положения, водворить в них прочное спокойствие и сделать всех довольными и навсегда верноподданными, не предстоит лучшего способа, как снять станицы 1-го Владикавказского казачьего полка: Николаевскую и Архонскую, все ста-

нища 2-го Владимказского казачьего полка, расположенные в Галашиках на р. Ассе, в Датлякскую*), 1-го Сунженского полка станицу Карабулакскую, 2-го Сунженского полка станицы Жанкиевскую и Ужалан-Юртовскую, основанные также после покорения чеченцев, переселив жителей этих станиц в Кубанскую область вместе с предполагаемого туда переселения из России.

Затем во всех округах, приблизительно сравнить наделом землею туземцев с казаками. Туземцы, видя в этом будущее свое благосостояние, обязаны принять на себя надержки переселения, и убедившись, что правительство одинаково печется о них, как о казаках, убедится также в бесполезности оружия, необходимого теперь, по их мнению, для защиты от грозившей им опасности.

Не подлежит сомнению также и то, что горцы, увидев себя обеспеченными и помня все несчастья в борьбе с русскими, силу которых они хорошо поняли, никогда не захотят нарушить свое счастливое положение, и не питая более никакой вражды, совершенно предадутся устройству прочного хозяйства на более твердых основаниях. Если же ненависть останется еще в старом поколении, проявления ее не допустит множество новых людей, преданных правительству за счастливое положение своей родины. Новое поколение, живя со всеми удобствами, из прежнего воинственного и полудикого, делается мирным и полезным.

Кроме того переселение это избавит правительство от огромных издержек.

Какие назначены на переселение людей из России.

Эта мера не бесполезна будет и в том отношении, что правительство переселит в Кубанскую область совершенно свыкшихся с войною и климатом Владимказских и Сунженских казаков, которые могут заменить вчетверо большую силу новых переселенцев, и по мере возможности ограничиваясь только этим переселением, правительство не впадет в такую же ошибку в распределении земли в Кубанской области между туземцами и казаками, какая оказалась в Терской области.

Если только предвидится при принятии збадехами и шапсугами покорности наделить их землею не наравне с казаками, а только по 5 десятин на душу, то они не в состоянии будут существовать, не снискивая себе пропитания грабежом, тем более, что при естественном приращении народонаселения не более как через 20 лет из этой земли едва-ли достанется на душу более трех или даже двух десятин.

Положительно можно сказать, что с упразднением вышеуказанных станиц и наделом достаточного количества земли, туземцам в Терской области, прочное спокойствие совершенно водворится.

Народ, боясь вторично и безвозвратно потерять свои земли, будет преследовать беспокойных и злодеев, как врагов своего благополучия.

Если снятие вышеуказанных станиц не будет признано возможным, то по крайней мере надо оставить за Малкой и за Терехом в запасе свободной земли, куда по мере нужды горцы будут переселяться.

*) Интересно ознакомиться эти горные предания ген. Курдюмова с виде палестинской станицы Табас Елендота.

Я высказал выше мое убеждение, что горцы не расстанутся с оружием и противопоставив своим мыслям, пока не увидят себя обезбеченными вещами.

Убеждение это основано на том, что не найдется ни одного горца, который бы в кругу своего семейства не горевал о будущем своего потомства, представляя для него самую жалкую картину и высказывая за это свое неудовольствие на русских.

Поэтому, теперь, если солдат или казак заедет к знакомому горцу в аул, то дети убегают или, оставаясь, смотрят на гостя со страхом. При таких отношениях можно ли ожидать когда либо сближения горцев с русскими?

Конечно, никогда, если горец с малюком своей матери начинает уже питать вражду и ненависть, а чем дальше он живет и развивается, тем сильнее развиваются в нем и эти чувства вместе с

понятиями о своем горестном положении. Потому для общей пользы необходимо устроить горцев, которые с каждым годом делаются беднее, и не представляя в будущем ничего утешительного, не могут быть мирными и миролюбивыми, ибо известно, что нужда и необходимость могут принудить человека к самым отчаянным предприятиям, тогда как удобства жизни, смягчая нравы, побуждают его к сохранению существующего.

Кончая записку свою, считаю долгом упомянуть здесь, что не могу забыть всего, что знаю о настоящем положении горцев, я признавал проступком против долга совести и чести.

Состоящий по назначению при Кавказской армии.

Генерал-майор Кундуков.

1863 года 25 марта,
 г. Владикавказ.

ТЪМЛИСЕЛИ.

Два слова о парижской выставке

НАДО отдать должное французам: там, где следует проявить вкус, где необходимо сказать, художественный глаз, где целое — этот ансамбль впечатлений должен создаваться в итоге законченных, удовлетворяющих эстетическое чутье восприятий — там они мастера, большие мастера, подлинники.

Много говорилось о недочетах, о запозданиях, о слишком за последнее время поспешной и даже небрежной работе на всемирной парижской выставке этого года, и тем не менее теперь, когда она раскрывается в натуральную величину нельзя ее не отметить, как эффективное, интересное, незабываемое зрелище.

Нельзя в любом печатном органе выходящем в Париже, не отметить в течение летних месяцев ее несомненно заслуженного художественного успеха.

Журнал "Кавказ" посвящает свои страницы совсем другим вопросам, — придется бороться за свое политическое равноправие, за самое бытие наших порабощенных народов. У нас нет возможности отмечать явления культурной европейской жизни, следить здесь в Париже за новинками литературы и театра. Тем не менее нельзя не принести искреннюю дань восхищения перед красотой, гармоничностью распланировки, перед широким художественным размахом этой нынешней выставки.

Конечно, величественны и прекрасны многие отдельные павильоны различных государств, интересны и искусно подобраны многие их экспонаты. В частности — производит большое впечатление своими гармонично рассчитанными пропорциями увенчанный геральдическим орлом павильон Германии, мастерски оборудованы павильоны Венгрии и Румынии. Но прежде всего хотелось бы указать именно на художественное творчество, на это законченное чувство меры в самой распланировке, какие проявлены хозяевами выставочной территории — инженерами и архитекторами Франции, руководителями общих работ.

Французская провинция, колонии, "самостийный" жанр отдельных районов — Нормандии, Бретани, Прованса, быт, воплощенный в яркие, законченные образы, павильоны, так сказать, культурных категорий — науки, искусства, техники, моды, широко разбросанные цвет

ники и газоны — все это в общей сложности дает большую, великолепную панораму, представляет большой, подлинный интерес для обозревателя.

Выставка примечательна и днем, когда, помимо общего кругозора и зрелища, можно внимательно рассмотреть отдельные детали, познакомиться с интересными экспонатами, — феерично прекрасна она и вечером, когда ярко освещенная сиянием всяких прожекторов, она представляется воображению каким то удивительно - своеобразным сказочным городом. Даже тот порою излишне подчеркнутый модернизм, каким щеголяет кое где архитектура, в особенности стиль некоторых иностранных павильонов и всяких подсобных и служебных зданий и сооружений, даже он в этом искусственном театральном освещении лишь усиливает впечатление сказочной мечты и волшебства. Это город-мираж каких то совершенно необычайных, причудливых и небывалых дворцов, которые чередуются с храмами самых разнообразных культов.

Выставка имеет несомненный успех, и несмотря на неизжитый еще экономический кризис, на политические тревоги, на трудности для туристов некоторых стран с вывозом и разменом валюты, наплыв иностранцев сейчас в Париже значительный. Преобладают, конечно, англо-саксы, европейские и американские затем идут — голландцы, швейцарцы, т. е. представители стран высоковалютных, но немало также и немцев, поляков, чехов.

Ну, а граждане счастливейшей в мире демократии, пролетарского рая —

явились ли они в значительном числе, чтобы воочию убедиться в том, как живут и работают в буржуазной Европе, чтобы увидеть Париж и всемирную выставку благосклонной к ним французской республики? Чтобы хотя бы полюбоваться собственным павильоном своего правительства, имеющим, по отзывам их газет такой головокружительный успех? Ведь российские подданные, туристы из России всегда были представлены очень обильно на всяких таких международных зрелищах и торжествах, считались богатыми и выгодными клиентами. Где они теперь?

Увы, то было при старом режиме, враждебном массам, а теперь Россия освобожденных народов, Советский Союз "свободных" республик не дал Франции ни одного свободного гражданина, не прислал ни одного туриста, который мог бы по собственному желанию на собственные средства полюбоваться выставкой. Только официальные лица или официально присланные под строгим контролем и надзором делегации, в роде труппы Московского Художественного театра. Остальным запрещено.

По этому поводу муниципальный советник Парижа Шарль Жоли не без иронии запросил prefecta полиции, сколь-

ко, именно зарегистрировано на выставке посетителей из СССР, насчитывающего 166 мил. населения. Сделал он это в ответ на нападки левых газет, что Италия и Германия дают слишком малый процент посетителей и как бы подчеркивают свое равнодушие к французскому делу. Оказалось, что из России нет ни одного посетителя.

К несчастью и нам, кавказцам, приходится быть там, на родине, теми поработанными "товарищами" из единой России, которым отказано в свободе передвижения, как и во всех других самых элементарных свободах.

Но будем верить и надеяться, что это в последний раз, будем все работать, во имя нашего окончательного и полного освобождения, и пусть на следующей всемирной выставке, где бы она ни состоялась, будет среди прочих равноправных народов красоваться и собственный павильон Кавказа, отражающий его подлинный быт, его действительные силы и возможности. Не "комсомольская пара", как сейчас, не серп и молот, но и не двуглавый орел будут венчать это здание, а собственные наши национальные эмблемы. Да будет так.

Тбилисели.

Обзор печати

АНГЛИЯ И КАВКАЗ

Под таким заглавием не так давно известный итальянский политический писатель Эрико Инсабато поместил в «Корriere дипломатико в консулере» обширную заметку, посвященную статье г. В. Садатерашвили о Грузии и Закавказьи, напечатанной в «Журидика дель медио эд Эстремо Ориенте в жустициа колониале».

Приводя с некоторым запозданием (по техническим условиям места) эту колоритную заметку целиком, мы считаем необходимым сейчас же оговориться, что информацию уважаемого автора, являющегося одним из самых искренних друзей угнетенных народов С. С. С. Р., мы находим на этот раз достаточно фантастической. Вопреки очевидным фактам, он в ней возвращается даже к старой басне о секретном договоре, существующем якобы между Турцией и Россией, на предмет оккупации, в случае войны, Закавказья турецкими войсками...

Мы, в свое время, посвятили этой «утке» несколько статей.

В наши дни, когда советская печать открыто говорит о необходимости «более тщательной охраны армяно-турецкой границы» и в Закавказьи концентрируются значительные части красной армии, едва ли можно опять возвращаться к пресловутому «секретному соглашению».

Думается нам, что в приписываемых Англии маккиавелистических планах наш друг заходит слишком далеко...

Однако, со всеми этими оговорками мы думаем, что статья г. Инсабато вызовет живой интерес наших читателей, которым предстоит сложная, но и любопытная задача — сделать тщательную выборку полезного семени среди многочисленных плевел. — Перейдем однако к статье г. Инсабато. Вот она:

«В недавно появившейся статье грузинского деятеля г. Садатерашвили ясно устанавливается каким образом, с точки зрения международного права, Грузия является до сих пор независимым государством. Автор также доказывает, что нынешняя русская оккупация и насильственное присоединение этой страны к С. С. С. Р., ничто иное, как акт незаконный, основанный на насилии, подлежащий автоматическому исправлению без всякого нового признания и без какого либо преодоления новых преград. Это отлично известно всем властью имущим в Англии, и главе англиканской церкви, и г. Идену, и лорду Сесилю, которые все питают культ Лиги Наций, постолько же фанатичный, как и фарисейский. Это однако же им не помешало стать друзьями, защитниками и союзниками тех самых людей, которые по мнению самых знаменитых ученых и знатоков международного права, начиная с Нипольда, Ниса и до Ле Фюра, ничто иное, как «недостойные и отвратительные насильнические пакты».

Но в настоящее время, стремясь постолько же устранить угрызения чистой совести, как избежать бесполезных терзаний

чистых душ, они перенесли свое тяжелое бремя на «Интеллидженс Сервис». И «Интеллидженс Сервис» приступило немедленно к работе: профессор Нордман основывает Институт «Джорджика», который выпускает довольно роскошные издания; ученый кавказовед С. Е. Уордроп, бывший великобританский представитель в Тифлисе, и его высококультурная сестра Марджори обещали свое сотрудничество, а также полковник Стокс, бывший британский верховный комиссар в Закавказьи с майором Алленом, сподвижником Лоуренса, негласно возглавили политическое руководство. И таким путем был разработан план, чтобы одновременно успокоить душевные тревоги, и обслуживать политические и экономические интересы англичан в рамках Лиги Наций.

План, над которым работало столько людей, имевших серьезные причины увидеть его осуществленным, был следующий:

1. — Предложить России аннулировать тайный договор с Турцией, согласно которому в случае войны, Россия должна была поручить турецкой армии защиту Закавказья.

2. — Предложить России, как условие английской поддержки, в виду японо-германо-польской опасности, признать независимость Грузии и Армении, которые, в свою очередь, должны будут вступить в союз, чтобы образовать христианский блок, который бы изолировал Турцию.

3. — В случае надобности уступить Азербейджан Персии, при условии его полной автономии, под контролем Лиги Наций. Таким путем Англия, не компрометируя себя, достигала двойного результата — гарантии своих нефтяных интересов и вме-

сте с тем, создания постоянного антагонизма между Персией и Турцией, устраняя таким образом, опасность турко-ирано-афганского соглашения, возможность которого смущает покой Интеллидженс Сервиса. Это одновременно обеспечивает безопасность границ Индии и ведущих к ним Имперских путей.

4. — Подготовить соединение русской и грузинской Православных Церквей, а также армяно-грегорианской с церковью англиканской.

Этот план на первых порах может показаться несколько фантастичным, но надо принять во внимание:

а) что расхождение между англиканской Церковью и большевизмом сейчас несомненно;

б) что русский военный специалист генерал Головин, чьи английские симпатии общеизвестны, уже подымал вопрос о передаче Азербейджана Персии;

в) что фирма Шелль не только не отказалась от своих нефтяных концессий на Кавказе, но продолжала приобретать частные промысла, аннулированные советской властью, продолжая, с большой затратой средств, поддерживать старое промышленное общество, с целью, конечно, в близком будущем возобновить его деятельность;

г) что на грузинскую и армянскую эмиграцию производится систематическое давление английскими агентами, дабы удерживать сейчас их враждебность против России, разрушить солидарность с мусульманским населением и доверить свою судьбу Англии, которая будет стараться обезпечить их независимость.

Мы могли бы еще привести и другие факты, отмеченные нейтральными обозрева-

телями, но сказанного достаточно, чтобы выявить сущность плана, принадлежащего Интеллигенс Сервису, который соответствует обычному правилу английской дипломатии, заранее подготовить все возможные комбинации, чтобы быть на стороне победителя.

Таково наше заключение, которое заставляет нас предать гласности все эти проблемы, вокруг коих осторожно переговариваются Англия, Турция, Россия, Персия и которые не могут ускользнуть от внимания великих держав мира — Франции, Италии, Германии и Японии.

Вот причина, почему этот номер журнала начинается интересной статьей г-на Садатерашвили, которая представляет собою вполне объективный очерк кавказской проблемы.

—*—

Армянские размышления.

Грузинская газета «Дамоукидебели Сакартвело» приводит мнения издающейся в Бостоне армянской газеты дашнакского направления, высказанные ею в ряде статей, по вопросу об ориентации армян в случае возможной войны.

В первой статье от 21 марта, газета касается взглядов ген. Деникина по вопросам «оборончества» и «пораженчества» и говорит:

«Разногласия, которые имеют место в русской антибольшевицкой эмиграции, не безразличны и для нас армян. Война, которая угрожает России, гибельна и для нас армян. Если в случае войны внешний враг мог бы нанести только территориальный ущерб России, то для Армении она означала

бы полное истребление армян и их физическое исчезновение. Поэтому в случае войны для армян настал бы более грозный момент, чем для русских.

Мы не можем, подобно ген. Деникину, руководствоваться двумя принципами. Мы должны иметь один единственный принцип, а именно — при всех обстоятельствах защищать Армению и ее жизненные интересы. Мы не должны забывать, что наша борьба с советской властью во многом отлична от того, что проповедует ген. Деникин. Мы и в мирное время не можем и не хотим перешагнуть границы идейной борьбы. Наша борьба с советской властью не есть цель, а средство как лучше защитить Армению и интересы армянского народа. Поэтому, если Армения будет в состоянии войны с внешним врагом, то естественно, что зарубежные армяне должны быть с тем правительством, которое будет защищать Армению от внешнего врага. И так как правительство сегодня советское, это не может помешать армянам без различия партий и политического направления поддержать это правительство, в целях, чтобы оно смогло наилучше защитить Армению от ее кровного внешнего врага».

«Многие могли бы воскликнуть: к чему же тогда промедление и почему вашу помощь этому правительству не начать сейчас же и откровенно, пока война еще не вспыхнула и пока есть возможность лучше подготовиться к ней? Авторы таких вопросов забывают о том, что советская власть сегодня состоит в дружбе и союзе с кровавым врагом Армении — Турцией. Пока длится эта дружба, Армения ни-

чего не выиграет, если бы даже вся зарубежная Армения пошла на помощь этому правительству, отказавшись от идейной борьбы»...

Возвращаясь к тому же вопросу, «Айреник» пишет от 24 марта:

«Какова должна быть наша позиция в отношении советского правительства, если Германия и Япония нападут на Советский Союз, а Турция будет вкуче с советами? В ответ на подобный вопрос прежде всего должно быть сказано, что пока Москва и Анкара продолжают дружбу и союз, с армянской национальной точки зрения нет ни повода, ни интереса, ни пользы, менять наши отношения с советским правительством. Не должны мы забывать, ни Япония, ни Германия не являются врагами армянского народа и не имеют вражеских намерений против Армении. Если русские, даже антибольшевики, из патриотических соображений, считают своим долгом оказать вооруженное сопротивление Германии и Японии, чтобы помешать новому расчленению России — нас армян, как нацию, ничто не заставляет, и нет в том никакой выгоды — воевать с Германией и Японией.

«Скажем более определенно: пока Турция не на стороне Германии и Японии, армяне не должны выступать против последних и должны продолжать

идейную борьбу с советским правительством. Кроме того, пока Москва и Анкара остаются друзьями и союзниками, война на европейском фронте и на дальнем востоке не представляет опасности для физического существования армян. В этом случае, если кто и станет угрожать нашим национальным интересам в Закавказьи, то это будет скорее Советское правительство, чем Германия и Япония, ибо охрану своих интересов на Кавказе Советское правительство могло бы поручить Турции, как своему надежному другу и союзнику, чтобы свои войска перебросить против Германии и Японии. Но положение существенно изменится для нас, если Турция порвет с Советами и очутится на стороне Германии и Японии. В этом случае жизненные интересы армянского народа потребуют от нас, отказаться от всякой оппозиции к советскому правительству и помочь ему, чтобы оно навигуще защитило Армению».

Словом, выходит так, что Турция целиком определяет политическую позицию армян по всем решительно вопросам. Не проще и разумнее было бы пересмотреть и изменить эту старую, уже принесшую столько горя точку зрения на своего неизбежного соседа? И разве искреннее присоединение к независимой Кавказской Конфедерации не открывает в этом направлении самые верные и надежные пути?

ХРОНИКА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬЕ ЧАВЧАВАДЗЕ

Вот что рассказывает, судя по советским газетам, Екатерина Габашвили:

В 1897 году друзья Ильи Чавчавадзе решили отметить 60-летие со дня рождения и 40-летие его общественной деятельности. Юбилейная комиссия, в которую была избрана и я, провела ряд заседаний.

Однажды, на одно из заседаний, оказавшееся последним, пришел и сам Илья Чавчавадзе. Он был чем то взволнован и, сказав, что юбилей его не может состояться, рассказал нам следующее:

"Сегодня утром, идя на службу, я встретил полицмейстера. Он сошел с экипажа, подошел ко мне и сказал: "Князь, не устраивайте юбилея. К вашему юбилею готовятся во всей Грузии. В Тифлис собираются приехать делегации, и я боюсь, как бы это чествование не вызвало нежелательных эксцессов, последствий которых могут причинить вам неприятности. Я прошу вас, сказал мне полицмейстер, отказаться от юбилея".

Как известно, юбилей Ильи Чавчавадзе не был отмечен, — нашему желанию, в условиях царского режима, не суждено было осуществиться.

Теперь же, когда мне свыше 80 лет, я счастлива, что вместе со своими детьми, внуками и правнуками, вместе со всем грузинским народом праздную столетие со дня рождения замечательного человека, моего друга, великого грузинского классика и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе.

А вот что добавляет Варвара Цагарели:

Я познакомилась с Ильей Чавчавадзе в 1899 г. в семье известного драматурга А. Цагарели. Спустя несколько лет я поступила на службу в дворянский банк, председателем которого был И. Чавчавадзе.

Я была его личным секретарем.

Работал он обычно с большой энергией, усидчивостью. Засиживался в своем кабинете до поздней ночи. Часто он, облокотившись на руку, дремал несколько минут и затем вновь продолжал работать.

Илью Чавчавадзе стал посещать тогдашний тифлисский губернатор Шервашидзе и, обычно, после этих посещений Илья бывал чем-то расстроен. В одно из таких посещений я была по делу у Чавчавадзе. Когда губернатор уехал, я решила спросить Чавчавадзе, почему его так угнетают эти посещения. Чавчавадзе ответил: "Он привез и показал мне неприятную бумагу — донос на меня. Это меня и взволновало". Успокоившись, он подошел к шкафу, стал пересматривать свои бумаги, отобрал часть и передал мне, сказав, чтобы я их сожгла на кухне и не уходила оттуда, пока бумаги не превратятся в пепел.

—*—

ЧИСТКА В ГРУЗИИ НА "КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ"

Корреспонденты парижских газет сообщают, что смещен ректор тифлисского университета Орагвелидзе, директор

университетского издательства Нарушвили и директор главлита Киларджишвили, который исключен из партии как троцкист. Вина этих лиц — выпуск университетским издательством политической неподходящей книги.

НОВОЕ О ШОТА РУСТАВЕЛИ

Внимание грузинской общественности привлекают новые данные о Шота Руставели, добытые сотрудником Ахалцихского краеведческого музея, Н. Г. Натенадзе. По этим данным, многие слова и обороты, встречающиеся в поэме «Вепхис Ткаосани», непонятны для многих руставелиологов, или принимаемые ими за арабские или фарсидские слова. до настоящего времени употребляются в народе, в Месхетии, родине поэта. Натенадзе подтверждает высказанное Н. Марром предположение, что Руставели является автором стихотворений Чахрухадзе и что эти два поэта представляют одно и то же лицо. Он указывает, что Руставели — сын Чахруха из фамилии Джорджанели - Хуршидзе, владевших руставской общиной (теми). После смерти отца, Шота был взят на воспитание его дядей, настоятелем Агаринского монастыря. Шота учился в Месхетии и Кахетии, затем в Греции. По своем возвращении, он привлек внимание царицы Тамары, которая приблизила его к себе и взяла во дворец, где он и прожил до конца своей жизни.

АЗЕРБАЙДЖАН

Постановлением президиума Аз Цика, Айна Султанова снята с должности наркомюста. Айна — жена Гамида Султанова, известного «старого» большевика, сыгравшего немаловажную роль в предании Азербайджана русским большеви-

кам. Во время ганджинского возстания, дабы показать свое большевицкое рвение, он расстрелял, как говорят, своего двоюродного брата. Но, должно быть, Москва оказалась неблагодарной по отношению к своему ревнителю: вслед за Караевым, Давыдовым, Бунят заде, Ахундовым и пр., опала коснулась и Гамида Султанова: он не был избран в центральный комитет и лишился своего поста наркома коммунхоза. Теперь очередь его жены.

КРАТКИЕ ВЕСТИ.

— В сел. Гузнуг убит комсомолец-стахановец Атакиши Алиев, который любил «разоблачать» антисоветские элементы. Получив предупреждение, что это занятие ему даром не пройдет, комсомолец перешел в названное селение, будучи сам из другого. Но метательная рука «врагов народа» достигла довысшка в его новой резиденции.

— Среди 164 архитекторов Азербейджана, число коренных жителей не превышает 24-х. Союз переполнен пришельцами, которые, незнакомые с местными климатическими и иными условиями, строят здания неподходящие для страны. «Парк», разбитый профессором Ильным в Баку, оказался негодным: бетонные сооружения и чахлае кустарники не позволяют публике пользоваться им до... заката солнца.

Новые документы об Имаме Шамиле.

1. В деревне Гедедзохор, в Азербейджане, только что обнаружен неизвестный до сих пор документ, касающийся деятельности Имама Шамиля, знаменитого героя, героя-горца, который сопротивлялся русскому нашествию в течение 30 лет. Этот документ на тюркском языке составлен набом (комиссаром) области Хаджин, характера

диффаматорского, направленного против Имама. Автор упрекает соратников Шамиля за то, что они служат человеку, «не имеющему никакого права для управления Дагестаном», т. к., объясняет он, «это не потомок ни коронованных монархов, ни Пророка».

Увидя в конце документа государственную русскую печать и подпись «чиновника Гласевича», легко обнаружить настоящих авторов этого документа. Он имеет еще и второй листок, также на тюркском языке,

в котором ведется полемика с первым листком.

Повидимому этот второй текст принадлежит перу соратников Имама, которым предназначался первый листок-воззвание. Авторы опровергают аргументы, приводимые на ибом.

Этот интересный документ, который отмечает одну из фаз борьбы Кавказцев против русских, будет опубликован в Бюллетене азербайджанского филиала Академии Наук С. С. С. Р.

Издания журнала „КАВКАЗ“

Начиная три с половиной года тому назад парижское издание журнала „Кавказ“ на русском языке, выходящее каждый месяц, редакция тогда же указала, что имеет в виду в недалеком будущем осуществить также периодические издания на языках — турецком и французском. Задача эта в настоящее время не только выполнена, но еще расширена. В Истамбуле уже вышли два номера „Кавказ Альманаги“ по турецки, при чем в дальнейшем эти издания будут более часты. С нынешнего лета здесь в Париже „Кавказ“ печатается ежемесячно также по грузински и по французски — вышло уже по три номера каждого издания — июньский, июльский и августовский. — Программа всех этих изданий, разумеется, та же: это органы независимой национальной мысли, ставящие задачей политическую подготовку свободной кавказской конфедерации на почве добровольного соглашения наших народов. Оно должно быть проникнуто культур-

но-национальными началами, одновременно отвечая духу эпохи и отмечая все пришлые и чужеродные влияния, в особенности тлетворное влияние пришедшего с севера марксизма во всех его толкованиях. Освобождение от российского ига — это, конечно, первое, чего мы должны добиваться.

Состав редакции и сотрудников, в общем, тот же во всех наших изданиях; некоторые статьи появляются на нескольких языках. В вышедших номерах на французском языке читатель встретит знакомые ему имена Гайдара Баммата, проф. Зур. Авалишвили, Азад-бея, ген. Квинитадзе, Ш. Амiredжиби, Тамбия Елекхоти, В. Оленина, Вахтанга Цицишвили и друг.

В непродолжительном будущем редакция намечает также английское издание в виде более толстого альманаха, выходящего четыре раза в год, а вслед за тем еще издание немецкое.

Библиография

Красная книга об Испании

КАРТИНЫ, документы, свидетельские показания. Собраны и изданы Анти-Коминтерном. 1937. 320 стр. *).

На титульной стороне обложки красная пятерня зажимает, старается охватить весь Пиренейский полуостров (кстати, как мы далеки теперь от знаменитого "нет более Пиренеев" Людовика XIV-го!). На обороте здоровенный детина в засученных рукавах молотом сокрушает пятиконечную звезду, с изображенной на ней советской эмблемой. "Тезис" и "антитезис" представлены наглядно и выразительно, как и следует в массовом издании, предназначенном для борьбы и пропаганды.

Книга выпущена под свежим впечатлением гибели на германском броненосце "Дейчланд", от брошенных в него "красных" бомб, германских моряков, числом 31 (что вызвало, как читатель помнит, отказ Германии от участия в морском контроле берегов Испании). Список их имен, в черной рамке, помещен в начале сборника, которому предпослано предисловие д-ра Э. Тауберт. Здесь говорится о троякого рода оружии, которым коммунизм угрожает миру: о третьем интернационале, о совет-

ской дипломатии и о красной армии. Предисловие заканчивается призывом: антикоммунисты всех стран, объединитесь!

Главная часть книги посвящена истории большевицких происков в Испании от 1919 до 1936 г., путям и способам их воздействия на умы, с целью вызвать революцию по коммунистическому образцу; далее, обзору форм, в которых обнаруживался возведенный в систему террор; и наконец, истории прямого советского вмешательства в политику испанской республики.

Иллюстраций больше, чем текста, и к жуткому, трагическому их красноречию трудно чтонибудь прибавить. Нет даже охоты о них говорить: так ужасны различные проявления подобных революций, столько в них смрада и безысходного тупоумия! Но в этом гнойнике, или около, копошатся и профессионалы-политики, дипломаты, и эмиссары, состоящие на советском пайке: все в новеньких костюмчиках и не без самодовольства на лице. Все они ратуют за невмешательство в испанские дела. Но именно они ответственны за оборот, который получила испанская революция: за гнусный террор, за свирепое "ликвидаторство", приведшие неизбежно к гражданской войне и вызвавшие мощную, патриотическую и, будем надеяться, спасительную реакцию под знаменем ген. Франко.

*) Das Rotbuch über Spanien. Gesammelt und herausgegeben von der Anti-Komintern. 1937. Nibelungen - Verlag, Berlin - Leipzig.

Викторинская Англия

Сейчас, в этот коронационный год, когда, в связи с недавними лондонскими торжествами и программой предстоящих вооружений, в Англии вновь крепнет доверие к своей имперской мощи, — приобретает особый интерес прекрасно изданная книга «Королева Англии Виктория». Она мастерски написана английской писательницей и поэтессой мисс Эдит Ситвел и появилась в прекрасном издании фирмы «Альбатрос». Перед нами проходит вся жизнь знаменитой королевы, от самого ее рождения и до кончины в 82 года. На престол она вошла 18-ти лет и царствовала 64 года, — это в сущности мировая история за две последних трети прошлого столетия. Викторианская эпоха Англии, столь славная в эволюции могущества и престижа империи, наложила свой отпечаток на весь уклад и событий и даже быта всех культурных стран. Можно было бороться с Англией и ее не любить, но нельзя было не признавать ее руководящей роли в событиях, нельзя было невольно не поддаваться воздействию ее влияния. Эти блестящие страницы в истории Англии связаны с высокочтимым именем королевы Виктории.

Автор книги дает попутно мастерски написанную характеристику многих государственных людей, окружавших королеву. Тут и лорд Мельбурн с его семейными несчастьями (как известно, жена его Каролина Ламб была любовницей поэта Байрона — очень явной и грубо им отвергнутой), тут и эффектная фигура лорда Пальмерстона — «грозы Европы», умный и хитрый Дизраэли, непокорный, неговорчивый Гладстон и мн. др. Королева Виктория рано овдовела, 41-года, но до конца чтла память покойного супруга Альберта, и викторианская эпоха при дворе, как известно, отмечена строгими нравственными требованиями и многими стеснениями сурового этикета.

С ранней юности королева Виктория вела довольно подробный дневник и обширную кор-

респонденцию, так что автобиографических материалов много, и в большинстве — это ценный вклад в историю. Останавливаясь на своих встречах с теми или другими современниками различных десятилетий своей долгой жизни, она поневоле обрисовывает целый ряд исторических фигур — иностранных монархов, принцев, выдающихся людей, вспоминает короля Франции Луи-Филиппа, императора Наполеона Ш-го, его супругу, русских императоров — Николая I-го, Александра П-го, которым немного увлекалась, когда он был еще наследником, герцога Веллингтона, поэта Теннисона, генерала Гордона, трагически погибшего в Африке, и мн. др. В эпоху Виктории Англия давала тон всей Европе, и в связи с господствующей ролью английской политики, эту эпоху действительно можно назвать «викторианским матриархатом».

Очень занимательно и живо написана в книге целая глава, посвященная отношениям с германским императором Вильгельмом П-м, внуком Виктории от старшей дочери. Английская королева с юных лет опасалась этого беспокойного, непокорного мальчика, который всячески платил ей своими проделками. Таким же беспокойным остался он и потом, делая все по своему, и неговорчивостью всегда приводил в плохое настроение бабушку-королеву во время своих визитов в Лондон. Он нарочно нарушал нестерпимые, по его мнению, условности «матриархата» и в жизни и в политике. Под старость Виктория его еле выносила и считала, что он еще натворит бед. За его неговорчивость она ему платила тем-же. Имп. Вильгельм, как известно, любил менять военные мундиры и очень хотел получить титул британского адмирала, а также шефство одного из шотландских полков, чтобы иметь право надеть «мундир Нельсона» и шотландскую клетчатую юбочку. Но королева Виктория так и умерла, не исполнив этого невинного желания.

Книга читается с большим интересом.

К. В.